

УДК 930.1:1
DOI 10.17223/19988613/34/20

А.Н. Петренко

ТЕОРИЯ ПРОГРЕССА В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Рассматриваются воззрения русских мыслителей конца XIX – начала XX в. относительно понятия социального прогресса. Приводится краткий анализ взглядов сторонников субъективного подхода в социологии: Н.К. Михайловского и П.Л. Лаврова, а также их современника П.Н. Ткачева. Особое внимание уделяется концепции Л.И. Мечникова, выделявшего в качестве основного критерия прогресса степень кооперации в обществе на ранних этапах истории и сознательную солидарность людей как основу для прогресса в будущем. Уделяется внимание критике, высказанной русскими православными философами начала XX в. по данному вопросу.

Ключевые слова: теория прогресса; Л.И. Мечников; кооперация; солидарность; народничество.

Явление прогресса – сложное и неоднозначное понятие. Несмотря на то что данный вопрос впервые предстал еще перед мыслителями древности, он по сей день служит предметом для многочисленных споров в исторической науке. Одна из основных причин этого – оценочный характер данного понятия. Разумеется, в разное время критерии прогресса различались. Первоначально понимание исторического процесса, а следовательно, и прогресса, в значительной степени было связано с религиозным мировоззрением. Так, известный философ и богослов Августин Блаженный в труде «О граде Божьем» представил идею линейного исторического времени и морального прогресса. С наступлением Нового времени теологическое понимание истории уступило место научным представлениям. В частности, в кругах просветителей в XIX в. стало господствовать предложенное Сен-Симоном представление о прогрессе, который полагал, что в обществе основой прогресса является «совершенствование нравственной концепции». Позднее к данному понятию обращались такие исследователи, как О. Конт, Г. Гегель, К. Маркс и др. Последний в качестве одного из основных критериев прогресса, как и Г. Гегель, выделял степень свободы в обществе.

Во второй половине XIX в. в исследовании социального прогресса широкое применение нашел эволюционистский подход, позднее оформленный в виде социологической теории социал-дарвинизма. Одним из наиболее известных сторонников применения данного подхода к осмыслению прогресса, в том числе и историческом процессе, был Г. Спенсер. В обобщенном виде данный подход представлял попытку применения теории естественного отбора Ч. Дарвина при осмыслении общественных отношений.

В России, пожалуй, наибольшее внимание к понятию прогресса было приковано на рубеже XIX и XX вв. Заметную роль в этом сыграли представители народничества: П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, П.Н. Ткачев и др., что неудивительно ввиду их поиска благоприятного пути развития общества и государства. Определенную критику по данному вопросу высказывали русские религиозные философы, в частности Л.П. Карсавин.

Одним из первых подверг критике идеи Спенсера Н.К. Михайловский. В статьях «Что такое прогресс?», «Теория Дарвина и общественная наука», «Борьба за индивидуальность» и других он обосновал свое видение прогресса. Прогресс, по мнению Михайловского, – прежде всего прогресс личности. Соответственно, более прогрессивным он считал общество, в котором личность может свободно и разносторонне развиваться.

Н.К. Михайловский поставил интересный вопрос: «Спрашивается теперь, каковы результаты приспособления человеческой личности к условиям общественной жизни? Расширяют ли они наше Я или сужают?...», используя диалектический подход, спрашивал автор и отвечал: «И да, и нет...» [1. С. 476]. Конфликт между личностью и обществом Михайловский усматривал прежде всего в разделении труда. В качестве наиболее яркого примера он приводил средневековую Индию с ее строгой системой каст. В то время как элитарная часть общества, брамины, берет на себя роль «мозга» в этом общественном организме, индивидам, занимающим низкое положение на сословной социальной лестнице, отводится роль простого орудия труда. Конечно, такое положение вещей не может не препятствовать гармоничному развитию личности. Однако автор отмечал, что общество играет и положительную роль в развитии личности прежде всего за счет «сочувственного опыта» и «кооперации» между людьми.

Похожие взгляды относительно прогресса были у П.Л. Лаврова. Свое представление о критериях прогресса он сформулировал в «Исторических письмах» таким образом: «Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении; воплощение в общественных формах истины и справедливости – вот краткая формула, обнимающая, как мне кажется, все, что можно считать прогрессом...» [2. С. 54].

Разумеется, под физическим развитием Лавров не имел в виду греческий идеал красоты физически развитого тела или нечто подобное. Речь шла скорее об удовлетворении минимальных насущных потребностей человека. Он указывал, что без победы над голодом, без укрепления элементарных гигиенических норм и удовлетворения базовых материальных потребностей

человечество никогда не выберется из состояния страданий, болезней и повседневной борьбы за эти блага [Там же. С. 54–55]. Как следствие этого, дальнейший прогресс будет невозможен, пока эти условия не будут выполнены для большей части населения. Лавров отмечал: «Лишь тогда, когда физическое развитие личности возможно, когда умственное ее развитие прочно, когда нравственное ее развитие вероятно, лишь тогда, когда общественная организация включает в себе условия достаточной свободы слова, достаточного минимума среднего образования, достаточной доступности для изменений в общественных формах, – лишь тогда прогресс общества в целом может считаться более или менее обеспеченным...» [Там же. С. 57].

Очевидно, что для дальнейшего прогресса, после удовлетворения материальных благ, необходимо появление условий для свободного формирования личности. Такими условиями должны стать возможность защиты своей жизни, чести, достоинства, защита от гонений, свобода слова и т.п. Лишь после этого будет возможен переход к некоторым высшим духовным и нравственным формам прогресса.

Применительно к сказанному, можно провести аналогию между этим утверждением и современной «Пирамидой потребностей по Маслоу» с той лишь разницей, что идеи Лаврова были высказаны значительно раньше и характеризовали этапы развития общества в целом, а не потребностей отдельных индивидов.

Несложно заметить, что, как и Михайловский, Лавров отмечал большое значение роли личности в качестве основного фактора прогресса: «Как ни мал прогресс человечества, но и то, что есть в нем, лежит исключительно на критически мыслящих личностях <...> Его семя есть действительно идея, но не мистически присутствующая в человечестве: она зарождается в мозгу личности, там развивается, потом переходит из этого мозга в мозги других личностей, разрастается качественно <...> и становится общественной силой...» [Там же. С. 415–416].

Продолжая ряд мыслителей, уместно упомянуть и П.Н. Ткачева. Как и его современники, он уделял немало внимания теории социального прогресса. Ткачев подверг критике органический подход Г. Спенсера к социологии, охарактеризовав его как грубую аналогию общества и организма. Основную особенность общества, в отличие от биологических организмов, он усматривал в его возможности к саморазвитию: «Общественный организм отличается от всякого другого организма тем, что он способен сам себя совершенствовать. Но никакой другой животный организм сделать этого не может, потому что законы, по которым он развивается, не создаются его самопроизвольной деятельностью; они даются ему как бы извне, – они существуют прежде него и останутся после него» [3. С. 183]. Ясно, что как народника и революционера его не устраивал фатализм, присущий теории Спенсера. Он считал, что последняя теория обесценивает человеческие поступки и нивелирует роль че-

ловека в истории, но сам-то верил в возможность людей сделать общество лучше.

Вместе с тем Ткачев был не согласен с субъективным подходом в социологии Н.К. Михайловского и П.Л. Лаврова. «Исторические письма» последнего он подверг критике в статье «Что такое партия прогресса». Однако отдельные исследователи, например Б.А. Чагин, полагают, что, в сущности, философская концепция Ткачева также является субъективной [4. С. 142–144]. Ткачев считал, что «революционное меньшинство» способно воплотить идеи прогресса революционным путем.

Теория прогресса в истории является одной из основных тем в работе «Цивилизация и великие исторические реки» Л.И. Мечникова. Он однозначно высказал свое мнение о значимости понятия прогресса в исторической науке: «Человеческая история, лишенная идеи прогресса, представляет лишь бессмысленную смену событий, вечный прилив и отлив случайных явлений...» [5. С. 232].

По своим взглядам он был близок к народникам. Однако, если П.Л. Лавров и Н.К. Михайловский в вопросах прогресса придерживались определенной элитарной позиции, Мечников не был склонен преувеличивать роль отдельных личностей. В качестве примера можно привести статью «Герои и толпа» Н.К. Михайловского, в которой тот доказывал, что историю творят отдельные выдающиеся личности, а широкие людские массы безмолвно за ними следуют. Мечников, напротив, указывал на то, что именно «безмолвные людские массы» есть истинные творцы исторического процесса: «Незаметный труд многочисленных поколений, живших до нас, является творцом исторических формаций, но эта работа безвестных поколений ускользает от исследователя...» [Там же. С. 236].

Он также предупреждал читателя, что не следует отождествлять прогресс человечества лишь с прогрессом техническим, поскольку последний лишен нравственной составляющей. «Какое дело страдающей и мыслящей личности до того, красив ли памятник, воздвигнутый на ее могиле, или хорошо ли оружие, которым ее убивают» [Там же. С. 235]. Уточнение это представляется важным для конца XIX в., когда в обществе царил эйфория от невиданного ранее взлета технической мысли. Актуально оно и в наше время.

Конечно, Мечников также был против применения в социологии принципа борьбы за существование Ч. Дарвина. Он считал, что в человеческом обществе основополагающим принципом является кооперация, даже если она не является добровольной. На ранних этапах развития общества кооперация всегда является вынужденной. Людям приходится объединять усилия для охоты, защиты или даже нападения. Но по мере развития общества она становится все более осознанной и добровольной. Место простой, бессознательной кооперации занимает сознательная солидарность людей. Именно это движение от принудительного к добровольному Мечни-

ков считал основным критерием прогресса: «Таким образом, социальный прогресс находится в обратном отношении к степени принуждения, насилия или власти, проявляющихся в общественной жизни, и, наоборот, в прямом отношении к степени развития свободы и самосознания, или безвластия, анархии» [Там же. С. 252].

В соответствии с данной концепцией он выделял три основных этапа, являющихся стадиями социального прогресса: «Низший период», в котором преобладают «подневольные союзы», возникшие для противодействия внешним силам, «Переходный период», основными признаками которого являются социальная дифференциация и разделение труда, и, наконец, «Высший период», отмеченный преобладанием свободных и добровольных союзов, будь то творческие объединения или группы, созданные в силу общности интересов [Там же. С. 258, 270–271].

Однако даже при поверхностном анализе данной теории возникает ряд вопросов. Например, почему некоторые туземные народы, которые были описаны самим Мечниковым, и чей общественный строй являлся чуть ли не идеалом свободы и демократии в плане прогрессивности их культуры и технологий, находятся едва ли не на уровне каменного века? Напротив, Древний Египет и Ассирия, несомненно, являлись более прогрессивными государствами, несмотря на их деспотический характер. Объяснение кажущемуся противоречию, конечно, существует.

Неслучайно Мечников в своей работе так много уделил внимания вопросу географического детерминизма. Именно среда в ее широком понимании является фактором, который принуждает людей к кооперации. Когда природные условия «дружелюбны» к человеку и дары моря и джунглей могут накормить каждого человека, то людям в такой среде нет нужды прибегать к кооперации. Следствием этого является отсутствие социальной дифференциации и необходимости в разделение труда, а, соответственно, социальный прогресс у таких народов практически отсутствует.

Однако в менее благоприятных природных условиях сотрудничество становится необходимым. Так, колыбель цивилизации – Месопотамия – до появления человека была довольно пустынным краем. Лишь небольшие полосы земли вдоль рек, протекавших по этой равнине, были пригодны для выращивания ячменя. Однако уже в древности жители, населявшие её, были знакомы с ирригацией, являвшейся необходимым условием для их выживания. И чем больше людям приходилось взаимодействовать друг с другом, тем более сложным и развитым становилось их общество. Несмотря на деспотизм, уровень кооперации в этих ранних речных цивилизациях был действительно высок.

Уместным будет вспомнить также родину демократии и прародителя нынешней западной цивилизации – Древнюю Грецию, чьи природные ресурсы были столь ограничены, что их неразумная растрата могла привести к катастрофе населявших её жителей. «Бедность –

сводная сестра Эллады», – так писал о своей родине знаменитый историк Геродот. Весьма вероятно, что именно это обстоятельство стало причиной появления полиса как особой формы самоуправления.

Еще легче понять, какой смысл Л.И. Мечников вкладывал в понятие среды и географического детерминизма, помогает его вывод: «Мы далеки от географического фатализма, в котором нередко упрекают теорию о влиянии среды. По моему мнению, причину возникновения и характер первобытных учреждений и их последующей эволюции следует искать не в самой среде, а в соотношениях между средой и способностью населяющих данную среду людей к кооперации и солидарности» [Там же. С. 262].

Несмотря на явные различия в воззрениях между Мечниковым и его предшественниками относительно критериев социального прогресса, они все же не ставили под сомнение сам факт существования социального прогресса, а также возможность определения его критериев. Такой энтузиазм относительно теории прогресса был характерен для второй половины XIX в. и был, вероятно, связан с особой атмосферой, царившей в обществе. Ситуация несколько изменилась с началом XX в. В это время скептическое и даже отрицательное отношение к данной теории проявилось среди русских православных философов.

Одной из первых работ такого рода было сочинение В.С. Соловьева «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории», опубликованное в 1900 г., незадолго до смерти его автора. Следует отметить, что прежде Соловьев придерживался достаточно оптимистической точки зрения на историю человечества. Он был уверен в том, что человек своими добрыми деяниями способен сделать мир и других людей лучше. Как следствие и сама история должна привести к формированию совершенного общества, в его понимании, конечно, теократического [6. С. 127]. Однако в последней работе он основательно пересмотрел свои взгляды. Так, в разговоре, повествующем о конце всемирной истории «Г[-н] Z.», который, вероятно, является голосом автора, говорит: «Я думаю, что прогресс, то есть заметный, ускоренный прогресс, есть всегда *симптом конца*» [7. С. 159]. История, по мнению Соловьева, судя по данному сочинению, закончится самым ужасным образом: силы, противоположные христианству, будут выдавать себя за истинное христианство, и человечество им поверит. В конце истории победит зло. Лишь Бог сможет преобразить мир и привести его к добру. Человечеству же остается только плыть по течению истории.

В целом «Три разговора» оставляет гнетущее впечатление трагической безысходности, что вдвойне неприятно, учитывая ранние, оптимистичные работы В.С. Соловьева.

Причины, побудившие его написать данное сочинение, остаются не вполне понятными. Возможно, он предчувствовал приближающуюся смерть, что не могло не повлиять на его мироощущение. Но разве история не

знала случаев, когда мыслители впадали в пессимизм? Вспомним хотя бы библейскую книгу Екклесиаст, насыщенную фатализмом её легендарного автора.

Однако позднее подобный отрицательный, даже тревожный подход к прогрессу стал характерен и для других религиозных философов.

Так, следующей работой, которую следует отметить, была статья С.Н. Булгакова «Основные проблемы теории прогресса», опубликованная в 1902 г. Он утверждал, что теория прогресса основывается на вере в победу лучших качеств человечества, которая неизбежно наступит. То есть на вере, которая, как он считал, ничем не обоснована. Развивая эту идею, он отмечал, что данная теория, в современном ему понимании, сама является своеобразной религией.

Он также выявил противоречие, по его мнению, неизбежно возникающее между данной «верой в прогресс» и господствовавшим в позитивной науке принципом «механической причинности»: «Первая и основная задача, которую ставит себе теория прогресса, состоит в том, чтобы показать, что история имеет смысл, и исторический процесс есть не только эволюция, но и прогресс. Она доказывает, следовательно, конечное тождество причинной закономерности и разумной целесообразности, является в этом смысле, как мы уже сказали, теодицеей. Она ставит себе, таким образом, целью раскрытие высшего разума <...> Что же значит найти смысл истории? Это значит, прежде всего, признать, что история есть раскрытие и выполнение одного творческого и разумного плана, что в историческом процессе выражена мировая, провиденциальная мысль...» [8. С. 32–34].

Отметим, что по-своему Булгаков был, конечно, прав, но безоговорочно согласиться с ним все-таки невозможно. Возьмем, к примеру, современную синтетическую теорию эволюции, которая, в отличие от теории социального прогресса, является более или менее законченной и признанной концепцией. В рамках этой теории было убедительно доказано развитие живых существ от простейших одноклеточных организмов к сложнейшим многоклеточным существам с развитой нервной системой вплоть до человека. Таким образом, наличие объективных законов и направлений развития организмов в естественном эволюционном процессе почти ни у кого не вызывает сомнения, исключая немногочисленных сторонников альтернативных теорий. Кроме того, теория эволюции в разной степени является принятой как материалистами, так и католической церковью. Так почему же нахождение объективных оснований в теории прогресса обязательно должно привести к провиденциальной мысли, если, к примеру, из теории эволюции это прямо не следует?

Позднее идеи Булгакова развил в «Философии истории» Л.П. Карсавин. Он не подверг детальному анализу отдельные уже существовавшие теории прогресса, будь то теория П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского либо Л.И. Мечникова. Объектом его критики стало скорее утопическое представление социалистов об иде-

альном обществе будущего с бессмертием человеческого тела и прочими благами. Поэтому и сама его критика носила до некоторой степени абстрактный характер. Как правило, он указывал на определенные нравственные и логические противоречия теории прогресса.

Первое противоречие заключается в том, что идеал теории прогресса, так его понимал Карсавин, фактически является недостижимым: «Прогресс не отождествляется с современным состоянием и современность не признается началом идеального бытия. Идеальное состояние или переносится в неопределенно далекое будущее, вызывая ослабление эсхатологизма, или мыслится как непрерывно становящееся, т.е. подменяется идеалом дурной бесконечности совершенствования» [9. С. 234].

Второй обозначенной проблемой является необходимость жертвовать многим сегодня ради сомнительного и не слишком вероятного удовольствия в далеком будущем: «Нет ни малейшего основания предпочитать эмпирическое будущее эмпирическому настоящему, жертвовать благом ныне живущих во имя еще не родившихся и нам неизвестных» [Там же. С. 235].

Карсавин констатировал определенное нравственное противоречие: «В этой релятивистической тенденции своей теория прогресса неизбежно абсолютизирует настоящее и обесценивает прошлое. Пршлое для нее «хуже» и «меньше» настоящего. Ценность прошлого может быть лишь относительной ценностью, ибо прошлое понимается только в смысле средства к достижению настоящего, а средство нужно лишь до той поры, пока не достигнута цель. Поэтому из теории прогресса вытекает глубокое пренебрежение к прошлому: к религиозным исканиям, к философии, к науке, к технике прошлого» [Там же. С. 245].

Отметим, что данное высказывание является по меньшей мере спорным. Приведем пример. Первый космонавт Юрий Гагарин провел в космосе немногим больше часа и выполнял, по сути, простейшие эксперименты. Современные космонавты проводят в космосе месяцы и выполняют значительно более сложные программы, но сколько любви и уважения в наших сердцах к Гагарину, и как мало мы думаем о нынешних космонавтах. Точно так же никто в здравом уме и с чистой совестью не станет выказывать пренебрежение к труду наших отцов и предков.

Развивая данную идею, Карсавин пришел к любопытному заключению: «Последовательное (хотя бы и бессознательное) отождествление идеала прогресса с идеалом современности должно обесценивать и будущее <...> В самом деле, пренебрежение к будущему ясно в нежелании допускать, что потомки наши могут по-иному понять задачи социальной и личной жизни» [Там же. С. 245]. Это заключение представляется вполне естественным. То, что заглянуть в будущее невозможно, — очевидно, как очевидно и то, что нельзя с полной определенностью назвать критерии социального прогресса будущего. Однако абсолютно справедливым это суждение также не является. История науки тому подтверждение. Существует множе-

ство примеров, когда научные концепции прошлого, будучи опровергнутыми или основательно пересмотренными, в будущем сыграли, тем не менее, важную роль в накоплении научного знания и являлись необходимым этапом развития науки и техники. Так, без классической механики не возникла бы теория относительности, частным случаем которой она, в сущности, является. Весьма вероятно, что осознание принципов социального прогресса и выделение его критериев в настоящем необходимо для осуществления прогресса в будущем. К похожему выводу пришел Карсавин. Подводя итог своей критики, он заметил: «Но сколько бы мы теорию прогресса ни разрушали, она постоянно возрождается в новых формах и формулах. Так, с нашей точки зрения, и быть должно. — Раз всякое историческое явление обладает в каком-то смысле своею неповторимую ценностью, обладает ею и теория прогресса, также являясь умаленным моментом всеединства. Ошибочны (недостаточны) ее формулиров-

ки, ее определения, но основной мотив ее должен быть правильным» [Там же. С. 246–247].

Поэтому неверно было бы утверждать, что критика, высказанная Карсавиным, была несправедлива. Напротив, он совершенно точно отметил противоречия теории прогресса. Он доказал, что критерии прогресса не могут быть неизменными и то, что для каждой эпохи и каждого поколения критерии прогресса будут различными. Он показал, что даже существующие теории не могут быть однозначно, без каких-либо исключений и искажений, приложены к фактическому историческому материалу. Однако следует ли из данной критики, что создание более или менее объективной теории прогресса невозможно в принципе? Вовсе нет. Это лишь означает, что такая теория до сих пор не создана. В данном контексте оригинальный, но малоизвестный подход к решению этой проблемы, изложенный Л.И. Мечниковым, является весьма актуальным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михайловский Н.К. Сочинения. СПб., 1906. Т. 1. 986 с.
2. Лавров П.Л. Философия и социология. Избранные произведения. М. : Мысль, 1965. Т. 2. 703 с.
3. Ткачев П.Н. Сочинения в двух томах. М. : Мысль, 1975. Т. 1. 655 с.
4. Чагин Б.А. Социологическая мысль в России. Л. : Наука, 1978. 416 с.
5. Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. М. : Пангея, 1995. 464 с.
6. Евлампиев И.И. Жизненная драма Владимира Соловьева // Вопросы философии. 2011. № 2.
7. Соловьев В.С. Собрание сочинений. СПб. : Просвещение, 1914. Т. 10. 527 с.
8. Булгаков С.Н. Основные проблемы теории прогресса // Проблемы идеализма : сб. М., 1902. 47 с.
9. Карсавин Л.П. Философия истории. СПб. : Комплект, 1993. 352 с.

Petrenko Alexandr N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: alexandr_n@mail.ru

THEORY OF PROGRESS IN SOCIAL AND POLITICAL THOUGHT OF RUSSIA THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY.

Keywords: The progress theory; Leo Metchnikoff; co-operation; solidarity; the Narodniks.

Social progress problem is being met in work of many philosophers and thinkers from the XIX century. Auguste Comte, Georg Hegel and Karl Marx used this notion more than once. The general feature of many works of this time was an idea that freedoms level in society is the main criterion of social progress. However in future after Charles Darwin's discovery Social Darwinism, that maintains principle of identity of social and biological progress, became widely used. One of the most known supporters of this principle was Herbert Spencer. In Russia this theory was called in question by many representatives of the progressive intellectuals and other thinkers among which were Nikolay Mikhaylovsky, Pyotr Lavrov and Pyotr Tkachev. The first two investigators made an accent on the persons with critical thinking in history. Leo Metchnikoff had another point of view. He did not exaggerate importance of separate "heroes" in history. On the contrary, Metchnikoff thought that main creator of historical formations is not vivid persons but "work of many generations which lived before us". He saw the main progress criterion in the level of cooperation in society on early stages of history and in the deliberate solidarity of people as basis of future progress. Nominally he could be classified as supporter of the Environmental determinism. By his own definition he was considering influence of natural conditions on progress of society as "the correlation between environment and ability to cooperation and solidarity of people who lives in this environment". It's necessary to note this conception will be a part of the Civilization theory in future. The progress theory had supporters and opponents. The most telling criticism about this question was said by Russians orthodox philosophers. It's necessary to note that Leo Karsavin was one of them. He pointed out idealism of the progress theory and criticized its partisans for not enough using of scientific methods. Also Karsavin thought that at that moment no theory could be used without exceptions and distortions for a real historical material. As well he was noting some logical contradiction of the progress theory. However is it true that this criticism tell that creation of more or less objective progress theory is not possible at all? Not at all. It just means that this theory is not created yet. In this context, original but not popular solution of the problem, which Leo Metchnikoff described, is highly topical.

REFERENCES

1. Mikhaylovskiy N.K. *Sochineniya* [Works]. St. Petersburg, 1906, vol. 1, 986 p.
2. Lavrov P.L. *Filosofiya i sotsiologiya*. Izbrannye proizvedeniya [Philosophy and sociology. Selected Works]. Moscow: Mysl' Publ., 1965, vol. 2, 703 p.
3. Tkachev P.N. *Sochineniya v dvukh tomakh* [Works in two vols.]. Moscow: Mysl' Publ., 1975, vol. 1, 655 p.
4. Chagin B.A. *Sotsiologicheskaya mysl' v Rossii* [Sociological thought in Russia]. Leningrad: Nauka Publ., 1978. 416 p.
5. Meehnikov L.I. *Tsivilizatsiya i velikie istoricheskie reki* [Civilization and the great historical rivers]. Moscow: Pangeya Publ., 1995. 464 p.
6. Evlampiev I.I. Zhiznennaya drama Vladimira Solov'eva [The life drama of Vladimir Solovyov]. *Voprosy filosofii*, 2011, no. 2.
7. Solovyov V.S. *Sobranie sochineniy* [Collection of works]. St. Petersburg: Prosveshchenie Publ., 1914, vol. 10, 527 p.
8. Bulgakov S.N. *Osnovnye problemy teorii progressa* [The main problems of the theory of progress]. In: *Problemy idealizma* [Problems of Idealism]. Moscow: M.A. Kolerov Publ., 1902. 47 p.
9. Karsavin L.P. *Filosofiya istorii* [The Philosophy of History]. St. Peterburg: Komplekt Publ., 1993. 352 p.